

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

КОНФИДЕНТ ДЛЯ ПРИЗРАКА

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Александра Шервинская
Конфидент для призрака

«Автор»

2023

Шервинская А.

Конфидент для призрака / А. Шервинская — «Автор», 2023

Она смогла построить свою империю, опираясь на связи и деньги мужа, о ней молчат вездесущие СМИ и «жёлтая» пресса, она редко появляется в свете, она всегда остаётся в тени. Красивая, умная, странная... Он — бывший военный, человек, безукоризненно выполняющий почти любые поручения, умеющий быть незаметным и незаменимым. Таким, как он, доверяют бизнес, деньги и личные тайны. Что случилось в его жизни такого, что он выбрал путь одиночки? Что связывает этих двух людей кроме имени общего врага? Может быть, скрываемое ото всех желание просто быть счастливыми? К чему приведёт протянувшаяся между ними тонкая нить доверия и симпатии? Ведь они такие разные: Мадам, женщина-призрак, и Олег Звягинцев, конфидент.

© Шервинская А., 2023

© Автор, 2023

Александра Шервинская

Конфидент для призрака

Глава 1

Только змеи сбрасывают кожи,

Чтоб душа старела и росла.

Мы, увы, со змеями не схожи,

Мы меняем души, не тела.

(Н. Гумилёв)

Санкт-Петербург, 17 сентября 2020 года

Старинные антикварные часы еле слышно отстукивали секунды, стараясь не нарушать тишины, царящей в кабинете. Свет лампы под шёлковым абажуром не разгонял тени, а наоборот, словно делал их гуще, сочнее. Они собирались в складках тяжёлых портьер, бархатистых, насыщенного малахитового цвета, оседали на красном дереве тяжёлого солидного бюро, прочно стоящего на ножках, стилизованных под львиные лапы, томно располагались в уютных глубоких креслах.

В кабинете царили покой и умиротворение, прекрасно сочетающиеся с изысканным ароматом кофе, сдобренного едва ощутимой ноткой коньяка, ровно такой, чтобы не превратиться в запах алкоголя, оставаясь лишь оттенком кофейного букета. Чашечка с этим божественным напитком стояла на краешке стола, и свет, падавший сквозь неё, делал фарфор почти прозрачным, нежно-розовым, словно озарённым идущим откуда-то изнутри светом.

Кофейный аромат был не единственным запахом, царившим в кабинете: к нему примешивались тонкие, изысканно-манящие нотки дорогих духов. Не того ширпотреба, который давно заполонил полки парфюмерных магазинов, а тех, что продаются в небольших, подчёркнуто камерных магазинчиках, например, на Рю Сент-Оноре в Париже или на Слоун-стрит в Лондоне.

Кабинет не был пустым: за большим письменным столом в удобном офисном кресле сидела женщина и задумчиво смотрела перед собой, видя что-то, доступное сейчас только ей. Она была чрезвычайно хороша собой, хотя пора юности для неё давно уже миновала. Впрочем, и до старости ей было далеко: женщина была великолепна в расцвете своей зрелой красоты.

Светлые, почти белые волосы, удивительный жемчужный цвет которых лишь оттеняла подчёркнуто лаконичная стрижка. Правильные черты лица, высокие скулы, большие синие глаза, которые благодаря контрасту с загорелой кожей, тёмными бровями и длинными ресницами казались ещё ярче, красивой формы губы, не испорченные вмешательством косметолога.

Женщина протянула руку к прозрачной фарфоровой чашечке, напоминающей изящную раковину, и на тонком пальце сверкнуло обручальное кольцо с достаточно крупным, но не вульгарным бриллиантом. Сделав небольшой глоток, она отставила чашку, легко поднялась из кресла и подошла к окну: за стёклами огромного, от потолка до пола, панорамного окна переливался огнями шумный многомиллионный город, который так и не стал для неё родным. Убежищем – да, символом успешности – да, домом – нет.

Приглушённый звук интеркома нарушил уютную тишину кабинета, и женщина, неторопливо вернувшись в кресло, нажала клавишу.

– Мадам, к вам посетитель, – голос девушки-секретаря был нейтрален и даже по-деловому суховат. Хозяйка кабинета очень тщательно подходила к выбору той части персонала, с кем контактировала лично: это были люди, чья биография была досконально проверена службой безопасности, не обременённые семьями и излишними дружескими или любовными связями. Помимо наличия безупречного досье к ним было всего одно требование: абсолютная

преданность лично хозяйке. Не бизнесу, не компании, а персонально ей, Мадам. И, надо сказать, что оплачивалась эта преданность более чем достойно.

– Проси, – коротко ответила женщина и, секунду помедлив, добавила, – и через пять минут принеси, пожалуйста, два кофе.

– Слушаюсь, Мадам, – голос девушки ни на йоту не изменился, но хозяйка не сомневалась, что условная фраза услышана, следовательно, одновременно с тем, как посетитель войдёт в кабинет, включатся миниатюрные видеокамеры, которые зафиксируют каждый жест и каждое произнесённое слово.

Ручка на двери повернулась, и в кабинет шагнула дежурящая сегодня красавица Лиля, высокая серьёзная шатенка с идеальными модельными параметрами. Наверное, только несколько человек помимо хозяйки знали, что к длинным ногам и безупречно красивому лицу прилагаются свободное владение тремя иностранными языками, кандидатская диссертация по психологии и звание мастера спорта по пулевой стрельбе.

Лиля посторонилась и, пропустив высокого широкоплечего мужчину лет тридцати пяти, военную выправку которого не смог скрыть даже дорогой пиджак, вышла, бесшумно закрыв за собой дверь. Гость сделал несколько шагов по направлению к столу и остановился, внимательно глядя на хозяйку кабинета.

– Добрый вечер, – мягко проговорила женщина, снова поднимаясь и выходя из-за стола, – что-нибудь случилось? Я не ждала вас раньше следующей недели...

– Добрый вечер, Мадам. Ничего не случилось, просто обстоятельства сложились благоприятно, и я справился быстрее, чем ожидал.

Она протянула посетителю руку, которую тот, согнувшись в неожиданно элегантном поклоне, легко поцеловал, едва прикоснувшись губами к хрупкому запястью. Выпрямившись, мужчина вынул из внутреннего кармана пиджака самый обычный конверт без марки. Молча протянув его хозяйке кабинета, он замер, ожидая дальнейших указаний.

– Присаживайтесь, сейчас будем пить кофе, – она вернулась к столу, жестом пригласив гостя занять одно из удобных кресел, которые стояли у невысокого столика в углу кабинета. Он с удовольствием опустился в уютные кожаные объятия, позволив телу расслабиться, и со спокойным любопытством наблюдал, как хозяйка кабинета вскрыла конверт и достала из него два листка бумаги. Посетитель лишь приблизительно представлял содержание переданного документа, так как ознакомление с ним на этот раз не было частью его задания.

Женщина дважды прочла бумаги, задумчиво побарабанила кончиками ногтей по полированной столешнице и решительно подошла к небольшому бюро. Выдвинула верхний ящик и, к удивлению гостя, достала оттуда небольшой металлический поднос. Положив на него полученные бумаги вместе с конвертом, она чиркнула зажигалкой, и весёлый огонёк быстро уничтожил документы, оставив от них лишь небольшую горстку мягкого серого пепла.

– Это копии, – она взглянула ему в глаза, и он равнодушно пожал плечами, постаравшись не показать своего удивления: Мадам, как называли её все кроме нескольких особо приближённых лиц, редко считала нужным так или иначе пояснять свои поступки.

Дверь бесшумно отворилась, и вошла Лиля, осторожно катящая перед собой столик с кофейником, двумя чашками, сахарницей, сливочником и тарелкой, на которой аппетитной горкой высились нежно любимые посетителем маленькие круассаны с ореховой начинкой.

– Я не ошиблась? – губы хозяйки кабинета дрогнули в намёке на улыбку, и это было второй странностью: за всё время, что он знал эту женщину, он ни разу не видел её улыбающейся. Казалось, её холодная совершенная красота не предполагает такого умения в принципе.

– Вы абсолютно правы, – он поднял руки, словно признавая поражение, – грешен, люблю именно их. Насколько я понимаю, сливки к кофе – тоже для меня? Искренне признателен...

Ответом ему был благосклонный наклон головы и ещё один намёк на улыбку.

– Поухаживайте за мной, пожалуйста, – она кивнула на кофейник, и он аккуратно налил в белоснежную изящную чашку крепкий кофе, – благодарю вас, Олег Юрьевич.

В сердце гостя мгновенно звякнул колокольчик тревоги: такое подчёркнутое внимание со стороны этой женщины могло означать что угодно, от перехода на следующий уровень допуска до полного уничтожения. Второе, конечно, маловероятно, но никогда нельзя сбрасывать со счетов и самые неблагоприятные расклады.

– Неужели вы думали, что я не знаю, как зовут человека, выполняющего мои поручения? – идеальной формы бровь слегка дрогнула.

– Я могу быть ещё чем-то вам полезен? – он старался, чтобы голос звучал максимально нейтрально.

– Несомненно, – она кивнула и откинулась на спинку кресла, гипнотизируя его взглядом своих невероятно синих глаз, – я хочу сделать вам предложение, от которого вы не сможете да и не захотите отказаться.

– Я заинтригован, – от смог выдержать её пристальный взгляд и теперь, как говорят артисты, политики и психологи, держал паузу. Не им начат этот разговор, не ему и инициативу проявлять.

– Мне нужен конфидент, – невозмутимо сказала Мадам, изучающе глядя на собеседника и внимательно отслеживая его реакцию. Затем она взяла телефон, что-то быстро написала и повернула дисплей к тому, кого назвала Олегом Юрьевичем.

– Это оклад, – сообщила она, и уголки её губ едва заметно дрогнули, когда он никак не отреагировал на цифру, – премиальные выплачиваются отдельно.

– Почему так много? – спокойно спросил он, по-прежнему не выказывая ни удивления, ни радости, и всего лишь желая получить ответ на свой вопрос.

– Будем считать это надбавкой за ненормированный рабочий день и за риск, – предложила она, и он кивнул, показывая, что услышал.

– Почему я? – всё так же спокойно задал мужчина следующий вопрос.

– Я ждала этого вопроса, – она достала изящный портсигар, извлекла тонкую сигарету, и мужчина тут же щёлкнул зажигалкой, – и, как вы понимаете, обдумала ответ. Вы ведь знаете, кого называют конфидентом?

– Разумеется, – он слегка наклонил голову, – хотя слово сегодня не слишком популярное.

– Тем не менее, – Мадам откинулась на спинку кресла, – мне нужен человек, которому я смогу доверять больше, чем на сто процентов. Он будет знать обо мне всё, и под словом «всё» я подразумеваю именно то, что оно и означает. Он станет моим вторым «я».

– Почему сейчас? – голос мужчины был спокоен, пальцы по-прежнему аккуратно сжимали ручку белоснежной кофейной чашки.

– Потому что, как говорили в Библии: время разбрасывать камни, и время их собирать. И сейчас пришло моё время.

– Тогда повторю уже заданный вопрос: почему я? – мужчина был совершенно спокоен, и ничто не выдавало той бури эмоций, которая пряталась за этой невозмутимостью.

– Вы привлекательны, умны, в меру амбициозны, умеете держать слово, действуете в строгом соответствии со своим собственным кодексом чести, у вас нет семьи и близких друзей, вы свободны от каких бы то ни было обязательств. Этого достаточно?

– Нет, – абсолютно спокойно ответил мужчина, делая очередной маленький глоток кофе, а Мадам довольно улыбнулась, – того, что вы перечислили, мало для озвученного вами предложения.

– Вы правы, и это лишний раз доказывает, что я в вас не ошиблась. Вы симпатичны лично мне, а это принципиальный момент, как вы можете догадаться, и против вас не возражает мой муж, что тоже существенно.

– Что от меня потребуется? Я должен трезво оценить свои силы и возможности, – он поставил чашку на столик и тоже откинулся на удобную кожаную спинку.

– Быть рядом со мной постоянно вне зависимости от того, где я нахожусь, оставаясь при этом незаметным, если не будет оговорено иное. Выполнять мои особые поручения, в особенности те, которые я не могу выполнить сама, в том числе касающиеся моей личной жизни. Находить исполнителей для промежуточных поручений и решать с ними все вопросы. Не бояться спрашивать «зачем», «почему» или «когда», так как вы будете не простым исполнителем, а доверенным лицом, у меня не будет от вас тайн. Терпеть мой непростой характер, точнее, просто принять меня такой, какая я есть. Быть одновременно другом, психоаналитиком, телохранителем, секретным агентом, если понадобится – любовником. Полагаю, что говорить об абсолютной секретности излишне?

– Этот контракт как-то ограничен по времени? – он достал из кармана сигареты и, дождавшись разрешающего кивка, закурил. – Или это пожизненное соглашение?

– Этого я пока не знаю, – честно ответила она, глядя ему в глаза, – многое будет зависеть от результатов основного этапа, назовём его так. Я наблюдаю за вами не первый год, – его бровь всё же удивлённо дрогнула, – и, поверьте, не потребую ничего невозможного.

– Я могу подумать? – спросил он, уже заранее зная ответ.

– Нет, – Мадам едва заметно улыбнулась, – не можете. И я сказала не всё. Возможно, вам будет проще принять решение, если я в общих чертах обозначу свою цель. Я хочу отомстить.

– Вот как? – нельзя было сказать, что ответ его удивил, что-то подобное вполне можно было предположить. – Но неужели для этого недостаточно финансовых и прочих возможностей вашего супруга?

– Вы не совсем меня поняли, – она улыбнулась, но глаза оставались двумя ледяными синими озёрами, – это моя месть. Ключевое слово – «моя». Я. Хочу. Отомстить. Сама. Если хотите, это моя вендетта. Мой муж привык решать такие вопросы более радикально и незамысловато, я же хочу уничтожить этих людей, но оставить их в живых. Одного из них вы знаете. Может быть, его имя поможет вам принять правильное решение?

Она взяла листок бумаги, быстро написала на нём два слова и показала собеседнику, который, казалось бы, никак не отреагировал, лишь чуть сильнее обозначились скулы, чуть жёстче стала линия губ, чуть заметнее морщинки вокруг глаз.

– Я принимаю ваше предложение, – помолчав, ответил мужчина и аккуратно поставил кофейную чашечку на стол. – Я должен подписать какие-нибудь бумаги?

– Стандартный трудовой договор, в соответствии с которым вы назначаетесь на должность моего личного помощника. Договор вступает в силу с момента его подписания. Вы готовы сделать это сейчас?

– Не вижу препятствий, – он спокойно пожал плечами, – но мне нужно забрать свои вещи из квартиры и решить, что с ней делать. Я ведь не ошибаюсь – мне придётся переехать?

– Несомненно, – женщина кивнула, – я хочу, чтобы вы всегда были рядом.

– Вещей у меня относительно немного, а вот квартира съёмная, нужно вернуть хозяевам ключи и урегулировать формальности.

– Полагаю, этими вопросами вполне могут заняться другие люди, – она нажала клавишу интеркома, – Лиля, будь добра, пригласи Андрея Петровича, а Олега Юрьевича запиши, пожалуйста, на завтра на это же время.

– Слушаюсь, Мадам, – ответила невидимая секретарша, и посетитель представил себе, как его личное дело мысленно достали из большого ящика с условной надписью «сотрудники» и переложили в небольшую коробку с этикеткой «особо приближённые».

Хозяйка кабинета встала и, подойдя к сейфу, скрытому в высоком шкафу, обернулась к гостю:

– Здесь два сейфа, ключ и шифр от второго у вас будет. В первом то, что касается деловых вопросов.

Она достала тонкую папку, быстро просмотрела её содержимое и отложила два листка бумаги. Взяла ручку и поставила по-мужски размашистую подпись на каждом листе, затем подошла к посетителю и положила бумаги перед ним.

– Это приложение к стандартному трудовому договору, остальное можно будет подписать и позже, сейчас в отделе кадров уже никого нет. Андрей Петрович выполняет функции нашего с мужем личного юриста, поэтому готов подъехать в любое время. А сейчас он, скорее всего, ещё даже не успел покинуть рабочее место.

Посетитель взял со стола один экземпляр договора и начал внимательно его изучать, при этом на его лице не отражалось ни малейших эмоций. Дочитав, он взял лежащую на столе ручку и всё так же молча подписал оба экземпляра.

В дверь негромко постучали, и в кабинет вошёл невысокий плотный мужчина, держащий под мышкой кожаную папку.

– Чем могу быть полезен? – спросил он, целуя хозяйке кабинета ручку и бросив на вежливо поднявшегося из кресла посетителя быстрый и очень внимательный взгляд.

– Андрей Петрович, голубчик, позвольте представить вам моего личного помощника, Олега Юрьевича. С сегодняшнего дня он входит в число максимально доверенных лиц, поэтому, во-первых, уже завтра подготовьте, пожалуйста, для него все нужные документы, включая необходимые доверенности, допуски и комплекты ключей, а во-вторых, позаботьтесь о том, чтобы ключи от квартиры Олега Юрьевича были переданы владельцам, а все технические моменты были улажены. Если хозяева не будут возражать, можно использовать её как резервную, нам всё равно нужна ещё одна. В общем, сами посмотрите, вы в этом разбираетесь лучше меня.

– Будет сделано, – кивнул ничуть не удивившийся или просто не подавший виду юрист и протянул гостю руку, – очень приятно, Олег Юрьевич, – пожатие у него оказалось неожиданно сильным и крепким.

– Взаимно, – склонил голову посетитель, – буду признателен за разъяснение некоторых чисто юридических вопросов, связанных с новой должностью. Когда вы могли бы уделить мне с полчаса?

– Завтрашний день в вашем полном распоряжении, Олег Юрьевич, – сказала Мадам, едва заметно улыбнувшись, – решайте все организационные вопросы, обустраивайтесь, перевозите необходимые вам вещи, изучайте документы, знакомьтесь с коллегами и обслуживающим персоналом. Андрей Петрович, вы сейчас домой?

– Если у вас нет никаких срочных поручений, то да, – сказал юрист и вопросительно взглянул на хозяйку.

– Тогда заведите, пожалуйста, Олега Юрьевича и покажите ему его новую квартиру, вам ведь по пути, если я правильно помню. Заодно представите его охране, а мне нужно ещё немного поработать.

– Не извольте волноваться, – по-доброму улыбнулся Андрей Петрович, – всё сделаем в лучшем виде.

– Благодарю, – кивнула Мадам и вернулась за стол, – Олег Юрьевич, я жду вас завтра примерно в это же время. Нам нужно будет очень о многом поговорить.

Гость поднялся, по-военному коротко поклонился и вышел вслед за Андреем Петровичем в приёмную, где удостоился более чем внимательного взгляда секретарши Лили. Вежливо попрощавшись, мужчины вышли в коридор и, ведя ни к чему не обязывающий разговор о погоде и прелестях ранней осени, спустились в подземный паркинг.

– Ты на колёсах? – переходя на более демократичную форму общения, спросил Андрей Петрович и, получив утвердительный кивок, сказал. – Тогда держись за мной, если отстанешь – встречаемся на повороте с Приморского проспекта на Лисий Нос, знаешь, где это?

– Знаю, – кивнул Олег, часто ездивший в Сестрорецк по делам, поэтому прекрасно помнивший ту часть города.

– Тогда погнали, – юрист нажал на брелок, и фары элегантного чёрного BMW-6 призывно мигнули. Олег сел в свою крепкую и шуструю «мазду» и выехал под начинающийся серый питерский дождь.

Лисий Нос, 17 сентября 2020 года

За окном шуршал медленный, привычный и оттого умиротворяющий дождь, иногда порывы ветра швыряли в стекло горсти капель, но их барабанная дробь тут же снова сменялась мерным шелестом и сонным шорохом. Темноту за окном слегка рассеивал неяркий свет фонариков, украшавших высокий кованый забор.

Олег смотрел на мокрую, отражающую свет дорожку, аккуратно вымощенную тротуарной плиткой, и думал о том, как странно порой складывается судьба. Ещё вчера утром, получив от своего человека нужные документы, он предполагал, что передаст их Мадам и, получив премию за оперативность, уедет куда-нибудь на пару дней на рыбалку. Но всё получилось совершенно по-другому, и только время покажет, не ошибся ли он, приняв столь необычное предложение.

Конфидент... Когда-то это слово и люди, которых так называли, были если уж не вполне обыденным явлением, то достаточно распространённым: наперсники, доверенные лица, живые хранилища чужих тайн и секретов. Их ценили за неподкупность, верность доверившемуся лицу, щепетильность и деликатность. Конфиденты не афишировали своё особое положение и чаще всего числились секретарями, поверенными, помощниками, стряпчими. Попасть в их число... такого он не планировал никогда и до сих пор окончательно не был уверен, что, согласившись, сделал верный выбор.

Задёрнув плотные шторы спокойного кофейного цвета, Олег включил настольную лампу и ещё раз осмотрел своё новое жилище. Просторная гостиная, достаточно уютная, насколько в принципе может быть уютным ещё не обжитое помещение, двери в спальню и кухню, оборудованную по последнему слову техники. Небольшая застеклённая терраса, выполняющая функцию балкона, с традиционными плетёными креслами и небольшим круглым столом, на который Олег сразу после приезда поставил пепельницу. Что-то подсказывало ему, что курить он будет часто и много.

Справа трёхэтажной громадой высился хозяйский особняк, соединённый с так называемым «гостевым» домом крытой галереей. Если взглянуть в кухонное окно, то можно было рассмотреть спрятавшиеся за ещё не облетевшими кустами солидные ворота и будку охраны.

Олег глубоко вздохнул, ещё раз подивился непредсказуемости своего жизненного пути и принялся методично разбирать пока немногочисленные вещи, которые всегда возил с собой в спортивной сумке. Мощный современный ноутбук пристроился на столе в той части гостиной, где Олег предполагал со временем сделать рабочую зону.

Он подошёл к столу, сел в удобное кожаное кресло, открыл ноутбук и ввёл выданный ему пароль от Wi-Fi, планируя немного поработать, но в дверь вежливо постучали. Выходя в достаточно просторную прихожую, Олег практически не сомневался в том, кто решил нанести ему визит, и удивлялся лишь тому, что его просто не вызвали. Но, видимо, у гостя были свои резоны беседовать с ним именно здесь, а не у себя в кабинете.

– Добрый вечер, – вежливо и даже дружелюбно проговорил мужчина, лицо которого было достаточно хорошо знакомо тем, кто хоть чуть следил за жизнью бизнес-сообщества северной столицы. – Не помешаю?

– Добрый вечер. Нет, конечно, не помешаете, – Олег посторонился, пропуская гостя в квартиру.

– Вы не удивлены, – мужчина не спрашивал, а констатировал факт, – это правильно, мой визит достаточно предсказуем. Я хочу лучше узнать человека, которого моя жена выбрала для столь необычной роли.

– Да уж, роль достаточно странная для современного общества, – Олег позволил себе лёгкую улыбку, – для меня выбор вашей супруги тоже стал неожиданностью. Ещё вчера я даже не подозревал о таких внезапных поворотах в собственной судьбе.

– Но вы согласились, – гость остановился возле кресла и, не дожидаясь приглашающего жеста нового хозяина квартиры, сел в него. – Почему?

– Я полагаю, – Олег занял кресло напротив, – что говорить могу совершенно откровенно, ведь так, Алексей Константинович?

– Разумеется, Олег, – давая понять, что разговор будет неформальным, ответил гость и поставил на стол бутылку ирландского «The Dubliner», которую до этого держал в руке. Олег кивнул, встал и принёс из кухни два широких стакана.

– Я согласился по нескольким причинам, – он дождался, пока стакан на треть наполнится эксклюзивным напитком, принялся, и довольно кивнул, уловив нотки мёда и карамели, которые и отличают именно этот сорт виски от всех остальных, – во-первых, это прекрасно оплачиваемая работа, во-вторых, это новый опыт, а он никогда не бывает лишним, в-третьих, мне знакомо имя человека, который интересуется вашу жену, ну и в-четвёртых, мне сложно отказать красивой женщине. Порядок можно изменить, он не принципиален.

– И что же это за имя? – заинтересованно поднял бровь Алексей Константинович.

Олег молча отсалютовал ему стаканом и улыбнулся.

– Я уже подписал договор, – он виновато развёл руками, мол, и рад бы, да не могу, – поэтому вся информация сугубо конфиденциальна.

– Не настаиваю, – кивнул гость, – иного ответа, в общем-то, и не ожидал. В противном случае я был бы разочарован и посоветовал бы Елене вас заменить. Мне не слишком нравится вся эта её затея с вендеттой, хотя я прекрасно понимаю её желание, более того, я всячески его поддерживаю. Но я абсолютно убеждён, что для этого есть специально обученные люди, которые справятся практически с любой поставленной задачей. Однако Елена настаивает на том, чтобы не просто знать о свершившемся возмездии, она хочет непременно участвовать в нём.

– И отговорить её нет возможности? – Олег допил виски, чувствуя, как становится тепло, как уходит из тела холод, вызванный промозглой погодой. – Соглашусь с вами: не женское это дело.

– Мы ещё поговорим об этом, когда ты узнаешь её историю, – Алексей Константинович задумался, а потом налил ещё и себе, и Олегу, – я не стану ничего рассказывать, так как не исключаю, что тебе она поведает даже больше, чем мне, хотя я в своё время был и свидетелем, и участником тех непростых событий. Поэтому имя, которое ты не назвал, я и так знаю.

Мужчины выпили и помолчали каждый о своём, затем Алексей Константинович внимательно осмотрел на Олега и сказал:

– Прошу только, если увидишь, что она слишком увлеклась своей игрой в кровную месть, пожалуйста, предупреди меня. Без разглашения информации, без нарушения обещаний... просто предупреди, чтобы я мог вовремя защитить её. О тебе, конечно, хорошо говорят, но ты не Терминатор и не Джеймс Бонд, тебе не всё по плечу. И ещё: если понадобится силовая, огневая или финансовая поддержка – сразу говори, Елене ни к чему знать обо всех технических моментах.

– Вы воспринимаете всю эту идею как каприз супруги? Необычный, в чём-то странный и даже опасный, но именно каприз? – Олег предполагал, что Елена расскажет ему многое, но для

правильного понимания ситуации ему необходимо было знать, что движет окружающими, в частности, что заставляет Алексея Краснова мириться со странным желанием жены. И почему он согласился на то, чтобы в жизни Елены появился он, Олег Звягинцев, конфидент.

– Каприз? – Алексей Константинович сделал глоток виски и задумался. – Пожалуй, нет, капризом это назвать сложно. Это, скорее, некая навязчивая идея, но не из разряда хотелок, понимаешь? Для неё это действительно важно, и она всё равно не успокоится, пока не добьётся своего, уж такой у неё характер, – при этих словах в голосе Краснова прозвучала неприкрытая гордость за жену, – тем более, я в своё время дал ей слово не вмешиваться, а свои обещания я привык выполнять.

– Поэтому она и выбрала меня, человека не из вашей команды? Чтобы вести свою, не зависящую от вас игру? – Олег почти не сомневался, что это действительно так, и то, что он не работает на Краснова, было одним из решающих факторов.

– Очень может быть, – согласно кивнул седой головой Алексей Константинович, – но, не буду скрывать, она со мной советовалась. В нашей семье доверие и взаимное уважение – краеугольный камень отношений.

– Я всё равно пока плохо представляю себе свой функционал, – сделав глоток виски, задумчиво проговорил Олег, – как можно довериться человеку, которого практически не знаешь, наёмному работнику?

– Твоё восприятие ситуации будет наиболее объективным, так как не замусорено никакими личными факторами. Ей нужен друг и помощник, понимаешь? То, что тебе предложили оклад... так должен же ты на что-то жить, причём по возможности неплохо, одеваться, в общем, соответствовать ей. Не обижайся, в этом нет ничего зазорного или оскорбительного. И потом... Ты же понимаешь, что я собрал о тебе всё, что смог? Так что она хочет довериться не просто наёмному работнику, а мужчине, для которого данное им слово не является формальностью, о котором ни один из его знакомых, включая врагов, не смог сказать, что он не выполняет обещаний, и который остаётся верен тому, кому присягнул, если выражаться высокопарно.

– Да, получилось достаточно пафосно, – усмехнулся Олег, хотя ему и была приятна такая характеристика, особенно из уст человека, с чьим мнением было не стыдно считаться. – Но благодарю. И всё же, почему понадобился человек со стороны? Никогда не поверю, что вы не смогли бы в своём окружении найти того, кто смог бы обеспечить безопасность вашей супруги и безукоризненно выполнить те или иные, даже достаточно сложные задачи.

– Несомненно, я нашёл бы такого человека, но для Елены принципиально, чтобы тот, кого она выбрала, был именно её, а не моим. Понимаешь, Олег? Можешь мне поверить, её решение можно назвать каким угодно, но не внезапным: спонтанность вообще не числится среди её недостатков. И раз уж она решилась, значит, у неё все ходы продуманы и фигуры расставлены.

– А мне предлагается роль какой фигуры? Вы же понимаете, что пешкой я не буду, – Олегу нравилась та спокойная откровенность, с которой разговаривал с ним Краснов.

– Напрасно ты недооцениваешь возможности пешек: в хорошо продуманной партии и пешка может стать ферзём, тебе ли не знать? Ты ведь играешь, я прав? Может, как-нибудь вечером партию, а?

– С удовольствием, – кивнул Олег, окончательно понимая, что, согласившись на сегодняшнее предложение, он не просто поменял вид деятельности, он реально в корне изменил свою жизнь. Если кому рассказать, что сам Алексей Краснов предложил ему как-нибудь скоротать вечерок за шахматами, никто не поверит. Но дело было в том, что именно Олегу некому было рассказывать ни об этих, ни о каких-либо других событиях в своей жизни.

Выбрав несколько лет назад путь одиночки, он никого не впускал в своё личное пространство, хотя приятелей и знакомых у него было немало. Олег с удовольствием поддерживал разговоры на самые разные темы, но стоило собеседнику попытаться узнать что-нибудь о личной жизни самого Звягинцева, он наталкивался на вежливое, но непоколебимое молчание.

А теперь... Олег прекрасно понимал, что откровенность Мадам неизбежно повлечёт за собой частичную открытость с его стороны. Готов ли он к этому? Пока он не мог дать ответа на этот вопрос. Впрочем, думать об этом сейчас – совершенно неблагоприятное занятие, поэтому вряд ли стоит тратить на него время.

– Можно вопрос? – обратился он к Краснову, неторопливо смаковавшему виски и не торопившемуся уходить, хотя наверняка у него были дела. Впрочем, время было уже достаточно позднее, так что, не исключено, что именно такая возможность решить хотя бы часть вопросов в спокойной домашней обстановке – то, что ему нужно. Олег уже оценил те преимущества, которые давало проживание с его будущей подопечной на одной территории: всегда можно решить срочные вопросы, не прибегая к помощи телефона или компьютера. Да и мчаться на машине через полгорода в случае чего не придётся. А то, что и его жизнь будет на виду, – так ему скрывать абсолютно нечего.

– Не только можно, но и нужно, – кивнул Алексей Константинович, – понимаю ведь, что непонятного для тебя много. Да и для меня тоже, если уж быть откровенным.

Олег мог бы высказаться по поводу «откровенности», но зачем? Сейчас между ними полным ходом шёл процесс присматривания, оценки, просчитывания вероятностей – иначе просто и быть не могло бы. И от его поведения зависело очень много: какими станут его отношения с Алексеем Красновым? Понятно, что речь не идёт о дружбе: слишком разные у них весовые категории, но вот будут они чисто деловыми, или станут отчасти приятельскими, доверительными, решалось именно сейчас.

«Нельзя дважды произвести первое впечатление» – вспомнил Олег известную фразу и мысленно улыбнулся. Сейчас не только он проходил определённый тест на пригодность, но и Краснов тоже – если Олегу будет некомфортно с ним общаться, задача усложнится в разы.

– Вас не смущает тот факт, что рядом с вашей женой постоянно будет находиться достаточно молодой мужчина? – напрямую спросил Олег и посмотрел собеседнику в глаза.

– Смело, – усмехнулся Краснов, но злости или раздражения в его голосе не было, – хотя если бы ты не спросил, я бы, пожалуй, насторожился. Нет, меня это не смущает, более того, если тебя примут за любовника Елены, я не стану возражать.

– Я уловил главные слова в вашем ответе, – Олег не отвёл взгляда, – и принял их к сведению.

– Вот и прекрасно, – подвёл итог разговора Алексей Константинович и, вздохнув, решительно поднялся, – время позднее, день у тебя был непростой, да тут ещё и я с разговорами...

– Я благодарен, что вы нашли время заглянуть ко мне, – совершенно искренне сказал Олег, пожимая протянутую руку.

– И я рад личному знакомству, – кивнул Краснов, – думаю, мы ещё не раз встретимся в ближайшее время. Кстати, когда хорошая погода, я утром пью кофе на террасе в семь часов, так что захочешь – присоединяйся. И не думай ничего такого: иногда чашка кофе – это действительно просто чашка кофе.

– С удовольствием, – стараясь не показать удивления, отозвался Олег, – надеюсь, что найду, где это. Я пока видел дом и территорию только в темноте, так что ориентируюсь слабо.

– Если заблудишься, спроси у охраны, они помогут, – усмехнулся Алексей Константинович, – а теперь – доброй ночи. И добро пожаловать...

«Benvenuto nella famiglia» – задумчиво процитировал про себя Олег знаменитую фразу из «Крёстного отца».

Встреча с Красновым оставила двойственное ощущение: с одной стороны, она прошла практически безупречно, он не совершил ни одной ошибки, и приглашение на утренний кофе это подтверждало. С другой стороны, ему недвусмысленно дали понять, что есть моменты, с которыми Алексей Константинович мириться не станет. Впрочем, пока эти ограничители Олегу никак не мешали, а потом... Никто пока не знает, что будет потом.

Санкт-Петербург, 17 сентября 2020 года

Дверь за мужчинами давно закрылась, но она сидела, развернув кресло к окну и всматриваясь в темноту, вспыхивающую рекламными огнями и озаряемую фарами проносящихся автомобилей. Чужая жизнь чужого города... Города, который приютил её, когда, казалось, не осталось ничего, за что можно было бы ухватиться, чтобы не сползти в пучину безнадежной глухой тоски. За это она была ему – городу – признательна, но полюбить так и не смогла. Она смотрела в окно и вспоминала разговор с мужем, состоявшийся около полугода назад.

Тогда Алексей, как обычно, внимательно выслушал её, помолчал и спокойно поинтересовался:

– Зачем тебе этот так называемый конфидент? Они и раньше были редкостью, а теперь так, наверное, их в принципе не существует. И потом, ты уверена, что это в принципе возможно – найти человека, которому ты, – тут муж сделал многозначительную паузу, – сможешь довериться? Ты действительно готова рассказать ему всё?

– Готова, – она, как всегда, собиралась до последнего защищать свою идею, но если бы под напором аргументов Алексея её план показал бы свою нежизнеспособность, то она просто начала бы сначала. Так они обсуждали большинство серьёзных вопросов: один излагал идею или план, а второй из всех сил пытался найти нестыковки, слабые места, неверные выводы. Как правило, такая стратегия давала прекрасные результаты.

– Поговори с психоаналитиком, ты ведь знаешь, Егор Филиппович – прекрасный специалист, он выслушает тебя, даст советы, как справиться с тяжёлыми воспоминаниями, – Алексей не стал говорить, что обычно для таких разговоров есть друзья: он понимал, что этим заденет больной для жены вопрос.

– Несомненно, – кивнула она, – но Егор Филиппович не сможет добыть нужную мне информацию, он вряд ли умеет драться и стрелять, и я не уверена в силе его мужского обаяния.

– Тебе нужен тот, кто будет тебя защищать? – Алексей нахмурился и предложил. – Среди ребят Руслана наверняка есть нужный тебе человек.

– Но я не смогу с ним поговорить откровенно, – пожала плечами Елена, – они хорошие парни, несомненно, но говорить по душам... со мной? Не думаю, что кому-то из них это надо, Алёша.

– Хорошо, – невозмутимо продолжил Краснов, – то есть ты хочешь найти человека, который сможет быть одновременно и Егором Филипповичем, и кем-то вроде парней Руслана, и кем-то ещё?

– Ты абсолютно прав, – она тепло улыбнулась мужу, – помимо этого он должен быть привлекателен внешне, нравиться мне, не вызывать неприятия у тебя.

– Ещё скажи, что он должен отличать Гоголя от Гегеля и Бабеля от Бебеля, – хмыкнул Краснов, внимательно глядя на жену, – и у тебя, судя по всему, есть на примете конкретная кандидатура.

– Есть, – не стала спорить она, – и я попрошу тебя собрать о нём всю необходимую мне информацию.

– Кто же этот уникал? – невольно заинтересовался Краснов, подумав, что если такой человек действительно существует, то он и ему самому пригодился бы. Не в качестве конфидента, разумеется, но в качестве сотрудника – однозначно.

– Это Олег Звягинцев, он не наш официально, но иногда работает с нами по разовым поручениям. А так он приписан к конторе Леонида, числится там инструктором по стрельбе, но по большому счёту – человек для особых поручений.

– И Леонид так просто отдаст нам ценного сотрудника? – скептически поднял бровь Алексей, прекрасно знающий, как трепетно относится его давний партнёр к хорошим спецам.

– Тебе не отдаст, а мне – вполне может, – улыбнулась мужу Елена, – особенно если я предложу ему что-нибудь интересное. А у меня есть, чем его заинтересовать.

– Откуда ты узнала о нём, об этом Олеге? – Алексей внимательно смотрел на жену. – Такие люди обычно предпочитают оставаться в тени.

– Ты ведь знаешь, – помолчав, ответила она, глядя на свои руки, – что я тщательно изучила и изучаю всё, что так или иначе связано с жизнью и деятельностью господина Завьялова.

– Лена, не надо, – Краснов подошёл и обнял жену, прижав её к себе, – отпусти прошлое...

– Только когда он заплатит по всем счетам, с процентами, – её глаза сверкнули, но слёз в них не было и в помине, – тогда я успокоюсь, и всё будет хорошо, Алёша. Гештальты нужно закрывать, иначе они съедят меня изнутри.

– И как связан с Завьяловым этот твой Олег Звягинцев?

– Супругу Завьялова помнишь?

– Ангелину? Конечно, – он прищурился, – ты хочешь сказать...

– Завьялов в своё время крупно подставил Звягинцева и увёл у него любимую женщину, – кивнула Елена, – а как известно, враг моего врага – мой друг. Старую истину никто не отменял, Алёша. А теперь сложи вместе: порядочный человек, свободен от обязательств, обладает нужными умениями и навыками, ненавидит Завьялова всем сердцем. Упустить такую возможность? Ну уж нет...

– Хорошо, предположим, ты меня убедила, – Краснов задумчиво нахмурился, – я наведу справки. Но почему ты уверена, что он подходит?

– Поверь, он тот, кто мне нужен...

Со времени этого разговора прошло полгода, и вот сегодня она предложила Олегу Звягинцеву стать её доверенным лицом, её тенью, её конфидентом. Она не была уверена, что он согласится, хотя постаралась сделать так, чтобы почти все эти полгода Олег работал на них, точнее, на неё, и убедился в том, что с ней можно иметь дело. Ей нравился этот человек: его спокойствие, уравновешенность, кристальная честность, ответственность, невосприимчивость к лести и заманчивым предложениям – всё это делало его почти идеальным кандидатом. Алексей, со своей стороны собравший максимально полное досье, тоже не нашёл, к чему придраться, и дал «добро».

Теперь предстояла самая сложная часть: начать знакомиться по-настоящему. У неё была чёткая цель, было ясное понимание того, что нужно сделать, и список тех, кто должен заплатить за совершённое десять лет назад преступление.

Осталось убедиться в том, что у неё появился тот, кто поможет ей воплотить план в жизнь, кто станет помощником и соратником, а порой и сообщником. Никто не должен заподозрить ни её, ни Алексея, ни самого Олега. Это непросто, одна она совершенно точно не справилась бы, но с помощью Олега невозможное может стать реальностью. И неужели то, о чём она думала все эти десять лет, наконец-то начнёт воплощаться в жизнь...

Завтра... завтра они попробуют поговорить, начнут знакомиться, и, может быть, она даже сможет быть откровенной.

Елена вдруг поняла, как мучительно хочет рассказать хоть кому-нибудь всю правду о том, что произошло тогда, в далёком 2010 году, ничего не утаивая, не стараясь выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Алёша знает многое, почти всё, но – почти. Друзей у неё нет, подруг – тем более, да и её самой – тоже в общем-то нет.

Есть успешная бизнес-леди Елена Краснова, жена крупного бизнесмена, известная своей нелюбовью к публичности и категорическим нежеланием вписываться в светскую тусовку северной столицы. И уже давно нет милой и доверчивой вчерашней студентки Оленьки Кудрявцевой, пропавшей без вести десять лет назад. Ходили слухи о какой-то запутанной истории, но следствие ничем не кончилось, девушку так и не нашли. Да мало ли их пропадает таких – приехавших покорять вторую столицу... Вот и Оленька пропала, а потом, через два года, Алексей Краснов неожиданно представил светскому Петербургу молодую красавицу, свою жену Елену... И никто, разумеется, не связал эти два события...

Она глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться, и включила ноутбук, введя длинный и известный только ей пароль. На полупустом рабочем столе появилось несколько папок, одну из которых Елена и открыла: текстовые файлы здесь соседствовали с фотографиями и скриншотами каких-то страниц. Свернув окошко, она открыла браузер и бегло пробежала глазами ленту, просматривая события, затем прищурилась и развернула одну из новостей.

Достаточно известный портал с плохо объяснимым восторгом сообщал, что известный бизнесмен и меценат Дмитрий Завьялов заявил о своём желании баллотироваться в Государственную Думу.

– Неприкосновенности захотелось, Димочка? – негромко произнесла Елена, ни к кому не обращаясь в силу элементарного отсутствия собеседников. – Не в этот раз, дорогой мой, не в этот раз...

С экрана на неё смотрел мужчина, как говорится, в самом расцвете сил. Дмитрий Завьялов был для будущего политика достаточно молод: ему недавно исполнилось тридцать семь лет, но при этом за плечами у него уже был приличный опыт работы на различных административных должностях. В бизнесе он даже добился немалых успехов, хотя, разумеется, официально ему не принадлежало ничего: всё было оформлено на родственников. Подробнейшие отчёты специалистов по налоговому аудиту за последние семь лет спокойно хранились на этом самом ноутбуке, а подлинники – в банковской ячейке, о существовании которой не знал никто кроме Алексея. Ему Елена верила безоговорочно...

Она всмотрелась в фотографию: Завьялов был хорош некой особой, броской плакатной красотой. Волевой подбородок, чётко очерченные губы, правильные черты лица, честные голубые глаза борца с любой несправедливостью. Весь его образ словно говорил: «Я тот самый парень, который решит все ваши проблемы, искоренит преступность, коррупцию и круговую поруку. Со мной кипятилок станет горячее, сахар слаще, а лето теплее!»

Но Елена прекрасно помнила, сколько часов провёл молодой, только начинающий строить настоящую карьеру Дима, отрабатывая перед зеркалом именно эту улыбку счастливого человека с кристально чистой совестью. И знала, кто скрывается за маской честного и благородного борца за справедливость.

– Отольются кошке мышкены слёзки... ведь чем выше взлетаешь, тем больше падать, – обращаясь к белозубо улыбающемуся с экрана Завьялову, сказала Елена, – но мне почему-то тебя не жаль...

На столе мягко завибрировал телефон, и на дисплее появилось имя мужа. Она удивлённо подняла брови: как правило, Алексей не звонил ей, когда она оставалась поработать. Он и сам не любил, когда его отвлекали от дел, а значит, причина для звонка была достаточно веская.

– Да, Алёша, – отозвалась она, продолжая с каким-то болезненным любопытством рассматривать до отвращения красивое лицо Завьялова. – Ты поговорил с Олегом, если я правильно понимаю?

– Да, и я одобряю твой выбор, – сказал Краснов, – первое впечатление более чем благоприятное. Умный, сдержанный, умеет считывать подтекст, не скатывается до угодничества, но и панибратства себе не позволяет. А там посмотрим... Ты еще долго?

– Нет, – она наконец-то закрыла вкладку с фотографией, – уже собираюсь. Но ты ведь наверняка позвонил не только чтобы рассказать о встрече – это ты сделал бы и дома. Что-нибудь случилось?

– Не сказать, чтобы случилось, но с такими раскладами я скоро действительно поверю в судьбу, – сквозь иронию в голосе Алексея сквозили нотки удивления и недоумения, – через две недели состоится открытие выставки какого-то именитого художника в картинной галерее на Большой Морской. У меня на столе лежит приглашение на два лица: меня в самых изысканных выражениях приглашают посетить данное мероприятие, разумеется, с супругой.

– И в чём подвох? – Елена закрыла ноутбук и встала из-за стола. – Приглашение не первое и наверняка не последнее. Возьми кого-нибудь из девочек и сходи, приобщись, так сказать, к прекрасному. Или это какой-нибудь очередной современный перформанс? Когда сложенные кучкой консервные банки называют искусством и ищут в них некий сакральный смысл, приплясывая вокруг? Тогда вежливо откажись или отправь кого-нибудь, кому этот кошмар нравится.

– Дело не в этом, – хмыкнул Алексей, – а в том, кто спонсирует это со всех сторон выдающееся мероприятие. Угадаешь с трёх раз?

– Судя по тому, что ты об этом заговорил, я угадаю с одного раза, – вздохнула Елена, выходя из кабинета и кивая Лиле, которая невозмутимо печатала что-то, сидя за своим столом, – это господин Завьялов, наш будущий депутат? Верно?

– Он самый, – подтвердил Алексей, – так что, может быть, ты всё же составишь мне компанию? Раз уж ты планируешь выйти на тропу войны? Сходим, полюбуемся...

– Да, ты прав, милый, – кивнула своим мыслям Елена, нажимая кнопку лифта, – мы в последнее время слишком пренебрегаем светской жизнью, тебе так не кажется?

– Абсолютно с тобой согласен, – в голосе Краснова послышался азарт и что-то вроде предвкушения, а она в очередной раз подумала, как ей повезло с мужем. Пусть их отношения нельзя назвать безоблачными или идеальными, но она бесконечно благодарна судьбе, что та привела Алексея Краснова тем июньским вечером в небольшой лесок неподалёку от маленькой железнодорожной станции.

Спустившись на первый этаж и привычно загнав воспоминания в самый дальний уголок сознания, она прошла через просторный холл, в котором кроме дежурного администратора на ресепшн уже никого не было, и вышла на улицу. К подъезду тут же мягко подкатила машина, водитель распахнул перед ней дверцу, и Елена нырнула внутрь, наслаждаясь привычными запахами.

– Едем домой, Женя, – сказала она водителю, откидываясь на спинку и закрывая глаза.

Лисий Нос, 18 сентября 2020 года

Яркий жёлто-красный кленовый лист плавно опустился на дорожку, став похожим на цветную кляксу и присоединившись к своим собратьям, то тут, то там расцветившим собой влажный после вчерашнего дождя песок. Двое – хрупкая женщина и высокий широкоплечий мужчина – неторопливо шли, разговаривая вполголоса, а иногда подолгу не произносили ни слова. Но это молчание, судя по всему, совершенно им не мешало: они явно никуда не торопились.

– Всё-таки правильно мы сделали, что решили встретиться не в офисе, а на свежем воздухе, – негромко проговорила женщина, поймав очередной сорвавшийся с клёна лист, – здесь за поворотом есть беседка, мы вполне можем там посидеть.

– Давай, – легко согласился мужчина, – погода сегодня просто летняя, грех не воспользоваться.

– Как прошёл твой день? – она бросила на собеседника быстрый внимательный взгляд, подумав, что это очень странное и волнующее ощущение – привыкать к незнакомому человеку, зная, что скоро он станет неотъемлемой частью твоей жизни. Непривычно, но очень интересно, открывая себя, узнавать его. Раньше она никому, кроме мужа, такой вопрос не задавала... Даже в той, в прошлой жизни, о которой в последние дни она вспоминает почти постоянно.

– Продуктивно, – улыбнулся он, подавая ей руку и помогая подняться по ступенькам в увитую уже начавшими краснеть плетями дикого винограда, – я успел практически всё, что планировал. Сейчас расскажу, если хочешь...

– Хочу, – кивнула Елена, удобно устраиваясь в плетёном кресле, – и мне действительно интересно.

– Утром выпил кофе в прекрасной компании Алексея Константиновича, – начал Олег с лёгкой улыбкой и тоже с удовольствием расположился в кресле, – затем съездил за вещами на квартиру, оставил ключи суровому парню по имени Руслан, договорился с ним на завтра потренироваться в плане рукопашного боя – я в последнее время подзабыл слегка это дело, и это неправильно, буду исправляться. Потом проехался по делам, в зал, ещё кое-что подкупил... а потом ты позвонила...

– Насыщенный день, – Елена с удовольствием потянулась, – а на вечер какие планы? Я не слишком настойчива?

– Нет, конечно, – он серьёзно посмотрел на неё, – ты совершенно права, нам нужно постараться максимально быстро хотя бы в общих чертах узнать друг друга, хотя я, хоть убей, не знаю, как правильно поступают в таких случаях... Вдруг есть какие-нибудь особые ритуалы?

– И я не знаю, – усмехнулась она, – так что будем надеяться на интуицию. Кстати, а в какой зал ты ездил?

– Раньше ездил в «Спортлайф» на Лиговском, а теперь даже не знаю, – он пожал плечами, – посмотрю, что отсюда ближе, туда и переберусь.

– У Руслана есть свой небольшой клуб, для своих, думаю, он с удовольствием предоставит тебе доступ. Вам в любом случае контактировать, так что, мне кажется, так всем будет удобнее.

– Спасибо, – Олег благодарно склонил голову, – непременно воспользуюсь, это действительно было бы удобно. Кстати...

Он вынул из кармана куртки самый обычный, ничем не примечательный смартфон и протянул Елене.

– Возьми, в нём забит только один номер – мой, который нигде не засвечен и оформлен на абсолютно левого человека, которого уже сегодня к ночи не будет в стране, ибо он уезжает далеко и надолго. У меня такой же аппарат с твоим номером – как ты понимаешь, тоже анонимным. Пусть он будет у тебя на тот случай, когда тебе нужно будет связаться со мной, но так, чтобы никто не отследил звонок. Понимаешь?

Елена осторожно взяла аппарат и медленно опустила в карман спортивной куртки, а затем очень серьёзно посмотрела ему в глаза.

– Знаешь, наверное, я только сейчас, когда ты всё это сказал и отдал мне телефон, поняла и поверила, что всё это на самом деле, что время ожидания прошло...

– Лена, ты действительно уверена в том, что делаешь? Подожди, – он предупреждающе поднял руку, увидев, как вскинулась его собеседница, – дослушай... Я хочу быть уверен, что ты осознаешь, что, если мы запустим эту машину, остановить её будет уже невозможно. Это не компьютерная игра, где можно нажать на паузу, выпить кофе, а потом продолжить, если будет настроение...

– Я понимаю, – она успокоилась и глубоко вздохнула, – знаешь, я столько лет ждала этого момента, столько раз представляла себе... что иногда забывала, кто я есть на самом деле...

– Скажи, почему ты не отомстила раньше? У Алексея Константиновича была масса возможностей испортить жизнь тому, о ком мы с тобой пока не говорим вслух. Твой муж был серьёзным игроком на бизнес-поле ещё когда объект нашей с тобой страстной любви в школу ходил. Почему ты ждала столько лет? И давай сразу определимся – если я спрашиваю, то не от пустого любопытства, оно мне вообще не свойственно. Не захочешь отвечать – просто так и говори, подождём более удачного момента. Договорились?

– Почему?... – Елена задумчиво крутила на пальце обручальное кольцо. – Несколько причин... Во-первых, я не хотела, чтобы Алёша решал еще и эту мою проблему, хотя он никогда не упрекнул бы меня, во-вторых, я хотела сделать это сама, понимаешь? Знаешь, иногда представляла себя героиней американского боевика, которая подходит к старому врагу и всаживает ему пулю в лоб.

– И что тебе не нравилось в этой версии событий? – Олег усмехнулся, но она почувствовала, что он ждёт честного ответа. К тому же – если не быть честной с ним, то какой смысл во всей этой идее?

– Кровь не люблю, – помолчав, ответила она, – не боюсь, а именно не люблю...

– Это единственное, что останавливает тебя? – Олег говорил спокойно, стараясь составить первое впечатление об этой женщине уже как о подопечной.

– Да, – она решительно кивнула, – если ты имеешь в виду моральные, нравственные аспекты – в данном случае они меня абсолютно не волнуют.

– Ты могла бы убить человека? – его голос остался совершенно нейтральным, и она постепенно успокоилась.

– Я не знаю, – Елена посмотрела ему в глаза, – я никогда не пробовала...

– Надеюсь, и не придётся, – его улыбка смягчила повисшую в воздухе напряжённость, – для этого есть другие... специалисты. К тому же, насколько я понял, твоя цель несколько иная.

– Да, я хочу, чтобы эти люди ощутили на своей шкуре, что такое бессилие, безнадёжность, отчаяние, крушение всего. И это третья причина, по которой я ждала так долго. Я хотела, чтобы они поднялись повыше...

– Чтобы было больнее падать? – понимающе кивнул Олег, и она согласно кивнула.

– Как можно больнее, – она стиснула подлокотники кресла так, что побелели пальцы, – и не вздумай говорить мне о милосердии, это не об этих людях.

– Ты хочешь, чтобы они знали, что это отомстила именно ты? – Олег старался составить хотя бы общее представление о предстоящей работе. – Или месть может быть анонимной, и главное – результат?

– Чтобы знали, – уверенно ответила Елена, – анонимность здесь ни к чему... Пусть знают, что есть справедливость и есть возмездие.

– Я понял тебя, Лена, – кивнул Олег.

– Лёля...

– Что? – он удивлённо повернулся к смотрящей куда-то в пространство Елене.

– Лёля... Тогда все звали меня Лёлей...

Глава 2

Не помни лихом,
не сочти виной,
что я когда-то в жизнь твою вторгалась,
и не печалься –
все мое – со мной.

И не сочувствуй – я не торговалась.

(В. Тушнова)

Санкт-Петербург, 11 июня 2010 года

– Лёля, посмотри, какой галстук лучше подойдёт к этой рубашке? Лёля! Я к тебе обращаюсь, между прочим, а ты даже не подходишь! – недовольно крикнул красивый молодой человек, поворачиваясь перед большим зеркалом и придирчиво рассматривая себя со всех сторон.

– Иду, Димочка, уже бегу, – раздался из кухни звонкий голосок, и в комнату торопливо вошла невысокая хрупкая девушка, главным украшением которой была тяжёлая пшеничная коса, спускавшаяся ниже талии. Её руки были в муке, и она держала их очень аккуратно, чтобы не запачкать свежeweымытый пол.

– Этот или этот? – молодой человек по очереди приложил к груди два галстука и вопрошительно взглянул на девушку. – Думай быстрее, я опаздываю, а Фомич ждать не будет. Ты же понимаешь, как важна для меня эта встреча! Но тебе всегда было наплевать на мои интересы...

– Серый, – прищурившись, вынесла вердикт девушка, привычно не реагируя на недовольство, – голубой слишком легкомысленный для деловой встречи. И ты никуда не опоздаешь, ты сам прекрасно это знаешь.

– Тебе какие-то дурацкие пирожки дороже моего спокойствия, – продолжал ворчать Дмитрий, – завяжи мне галстук... Ну, конечно, – он страдальчески закатил глаза, – теперь я год буду ждать, пока ты руки от муки вымоешь...

– Дим, я быстро, – она стремительно выбежала из комнаты, лишь золотистая коса взметнулась, и тут же послышался шум льющейся воды.

– Дура, – негромко прошипел молодой человек, аккуратно припудривая маленькую красную точку на левом виске, – никогда ничего по-человечески не сделает...

Он был неправ и прекрасно осознавал то, что весь их благополучный быт держался исключительно на хрупких Лёлиных плечах. Именно на ней лежали все обязанности по уборке, готовке, стирке и глажке. В своё время он очень быстро привык, что в шкафу всегда есть два десятка выглаженных рубашек, все вещи аккуратно сложены, в холодильнике много вкусной еды, а в квартире идеальная чистота. И, как часто и бывает в таких случаях, решил, что так и нужно, что никак иначе у него, такого замечательного, просто не может быть. А Лёля? А что Лёля? Пусть будет счастлива, провинциалка серая, что он позволяет ей реализовываться, делая его, Димину, жизнь более комфортной.

И, если бы он вдруг узнал, что девушка на очень хорошем счету в своей бухгалтерской конторе, то невероятно удивился бы: кто? Лёлька? Хороший специалист? Да ладно! Что она, дура бестолковая, умеет? Он – да, он действительно перспективный молодой инженер, который в последнее время еще и в профсоюзной деятельности добился определённых успехов. Нельзя сказать, чтобы Дима Завьялов был хоть в какой-то степени обеспокоен проблемами трудового коллектива, интересы которого вроде как представлял: он об этом коллективе просто не думал, они с ним существовали параллельно, не пересекаясь. Да, конечно, профсоюз – не самый удачный вариант, но что делать, если комсомола, который вывел в политику немало серьёзных людей, уже нет, а с партиями очень легко промахнуться. Остаются профсоюз и молодёжные движения. Дима выбрал профсоюз и очень быстро добрался до места заместителя председателя, а теперь планировал замахнуться и на главное кресло. И сегодняшняя встреча должна была решить многое, определить, будут ли его кандидатуру поддерживать «наверху».

– Ну вот и всё, – Лёля вбежала в комнату, сияя, как маленькое солнышко, – видишь, как всё быстро. Давай галстук...

Ловкие пальчики быстро завязали аккуратный узел, поправили воротник рубашки, стряхнули несуществующие пылинки с лацкана пиджака. Лёля с привычным восхищением посмотрела на Диму: какой же он всё-таки умница и красавец! И как только так получилось, что он обратил внимание на скромную пятикурсницу Лёлю Кудрявцеву? Мысль о том, что идея предложить ей жить вместе возникла у Дмитрия тогда, когда он переехал в свою квартиру и понял, что заниматься домашним хозяйством не хочет абсолютно, у неё даже не возникла. А Дима, выбирая между вариантами: нанять приходящую прислугу или превратить в эту же прислугу давно влюблённую в него провинциалочку – выбрал второе. И ни разу за прошедший год не пожалел об этом.

– Ну ты и кадр, – уважительно качал головой Завьялов-старший, с которым сын поделился идеей, наливая коньяк, – молодец. Одновременно получаешь и домработницу, и любовницу, причём ни одной, ни второй не надо платить! Далеко пойдёшь!

Дима же в ответ на отцовскую похвалу лишь скромно улыбался. Да, он такой, у него все ходы продуманы на полпартии вперёд.

Вот и сейчас, собираясь на встречу, он вполуха слушал, что щебетала ему Лёля, жизнерадостность которой, когда-то забавная, в последнее время стала раздражать.

– К ужину вернусь, – небрежно бросил он, подставляя для поцелуя тщательно выбритую щеку, – завтра мне понадобится синий костюм и всё к нему: рубашка, галстук... Позаботься...

– Хорошо, – кивнула Лёля и, глубоко вздохнув, решила, – мне нужно будет кое-что тебе сказать, Дима. Очень важное...

– Нужно – скажешь, – отмахнулся он, искренне не понимая, что важного у неё может быть? Не может решить, с чем пирожки печь? Говорил же – дура...

Закрыв за Дмитрием дверь, Лёля задумчиво прошла на кухню и опустилась на табуретку: она снова не решилась рассказать ему о том важном, что подозревала уже пару недель, а вчера убедилась окончательно. Девушка была уверена, что новость Диму обрадует: да, между ними в последнее время нет той страсти, что сводила с ума раньше, но то, что она ему скажет... Оно изменит всё, свяжет их крепче любых слов и обещаний...

Мигнул экран простенького телефона, и Лёля, порадовавшись, что не успела испачкать руки, ответила на вызов.

– Привет, Лёлишна, как твоё ничего? – раздался в трубке бодрый голос Нины, бывшей однокурсницы, а нынче коллеги. Лёлишной девушку звала только она, и уговорить её общаться нормально не было никакой возможности.

– Нормально, – улыбнулась Лёля, искренне любившая шумную, но добрую Нинку, – по дому шуршу. А ты как?

– Сказала? – прямо спросила подруга, которая была посвящена в Лёлину восхитительную тайну, но оптимизма девушки почему-то не разделяла. – Или опять испугалась?

– Сегодня вечером скажу, – вздохнув, решила Лёля, – организую романтический ужин – и скажу. Я уверена, он обрадуется...

– Твои бы слова да Богу в уши, – проворчала Нина, – тогда не буду тебя отвлекать, но завтра позвони мне, договорились?

– Обязательно, – улыбнулась Лёля, уплывая в мечты, – обязательно...

Дмитрий уверенно шагал по красной с зелёным кантом ковровой дорожке, которой в лучших советских традициях были застелены коридоры городской администрации. И пусть невозмутимость была напускной, но он никому не собирался показывать, что до сих пор чувствует себя здесь школьником, вызванным к директору за какую-то провинность.

Вдыхая совершенно особый запах, витающий в этих коридорах, Завьялов думал о том, что готов практически на всё, только бы стать здесь своим. Чтобы эти серьёзные мужчины, иногда встречавшиеся ему, не скользили по юноше беглым равнодушным взглядом, а останавливались и, по-приятельски обменявшись рукопожатиями, делились новостями и слухами. Ведь он же может, нужно только дать понять, что он станет достойным участником команды!

Возле массивной двери с сверкающей табличкой он остановился, одёрнул пиджак, поправил галстук, несколько раз глубоко вздохнул и вошёл в приёмную. Сидевшая за столом женщина недовольно взглянула на него, ничего не сказала и продолжила перебирать лежащие перед ней бумаги. Дима остановился перед столом и мягко улыбнулся женщине: обычно перед его обаянием не могла устоять ни одна. Секретарша Егора Андреевича Фомина, которого за глаза все звали просто Фомичом, исключением не стала. Взглянув на посетителя уже гораздо более благосклонно, она спросила:

– Вам назначено?

– Конечно, – еще одна отработанная, не оставляющая жертве ни одного шанса, улыбка, – но если нужно, то я могу подождать.

– Я сейчас узнаю, – она вышла из-за стола и скрылась за массивной дверью, а Дима подумал, что если сегодняшний разговор пройдет так, как он надеется, то завтра нужно будет захватить и презентовать гримзе букет и какую-нибудь приятную безделушку. Он мог бы сделать это и сегодня, но – рано, пока не по статусу.

– Егор Андреевич примет вас, – вышедшая из кабинета секретарша окинула его оценивающим взглядом, уселась за свой стол и снова углубилась в изучение каких-то бумаг.

– Благодарю, – Завьялов послал ей благодарный взгляд, но напрасно: она даже не подняла головы от стопки документов. «Стерва!» – прошипел про себя Дима и решительно вошёл в большой светлый кабинет.

Как ни странно, Фомич был не один: в удобном кресле сидела достаточно молодая, очень ухоженная блондинка. Дмитрий про себя скрипнул зубами от досады, ведь присутствие постороннего человека исключало возможность серьёзного делового разговора, на который он так рассчитывал. Но внешне никак не выразил своего недовольства, это было бы «политически неправильно», как любил говорить сам Фомин.

– Доброго дня, Егор Андреевич, – Дима постарался придать своему голосу максимально уважительную, но не угодливую интонацию и, обернувшись к блондинке, тепло улыбнулся ей, – и вам прекрасного дня!

– Доброго... доброго... – пророкотал Фомин, протягивая руку, которую Дима и пожал со всем возможным почтением. – Проходи, присаживайся, Дмитрий Александрович, в ногах, говорят, правды нет. Позволь представить тебе Юлию, мою дочь, она только вчера прилетела из Швейцарии, решила вот навестить старика...

– Ну какой же вы старик! – воскликнул Дима, даже, как ни странно, искренне, так как назвать Фомича стариком мог только полный идиот: в этом человеке внутренней силы и власти было на десяток таких, как Завьялов.

– Спасибо, – довольно хмыкнул хозяин кабинета, – как успехи на профсоюзном поприще?

– В полном порядке, но... – тут Дима позволил себе сделать многозначительную паузу и, словно прыгая с моста в реку, добавил, – тесновато мне там, понимаете, Егор Андреевич? Душа масштабности требует, простора...

– А потянешь ты его, простор-то этот? – Фомич внимательно смотрел на Диму и тот в очередной раз подумал, что вот оно – то, к чему надо стремиться в жизни: к вот такой власти над другими людьми. А цена? Это вопрос только обсуждения и, чего уж там, торговли. И с окружающими, и с самим собой.

– Уверен, что справлюсь, – он твёрдо взглянул на Фомича, – я знаю, к чему стремлюсь и чего хочу добиться, Егор Андреевич.

– Похвально, – Фомин вышел из-за стола и остановился возле окна, выходящего на Смольный собор, – есть у меня должностишка одна. Могла бы тебе и подойти, да вот не знаю, справишься ли...

Дима замер, боясь спугнуть внезапную удачу: если Фомич заговорил с ним об этом, значит, вполне допускает возможность его, Диминого, карьерного роста. И вопрос, скорее всего, только в цене, но он готов практически на всё.

– У меня один из замов переходит в Москву, в аппарат мэра, и кресло освобождается...

Пользуясь тем, что на него никто не смотрит, так как Юлия изучала что-то в телефоне, а сам Фомич любовался открывавшимся из окна видом, Завьялов аж зажмурился от озвученных перспектив. Но его голос даже не дрогнул, когда он совершенно спокойно, по-деловому, спросил:

– Что от меня требуется, Егор Андреевич?

– Мне нравится твоё отношение к делу, – одобрительно отозвался Фомин, – никаких ахов, охов и никому не нужных сантиментов: чистый прагматизм. Тут, видишь ли, такое дело... я бы сказал, пустячное, но оно слегка беспокоит Юлию, а значит, и меня.

– Я могу чем-то помочь? – Дима всем своим видом выражал готовность поспособствовать решению этой самой «пустячной» проблемы, о действительной сложности которой можно было только догадываться. Понятно, что сейчас его проверяют на пригодность для работы в

команде уже совсем иного уровня, и нужно сделать всё возможное и даже невозможное для того, чтобы с заданием справиться. Заместитель Фомина – это больше, чем то, на что он смел надеяться, гораздо больше!

– У моего близкого друга возникли определённые проблемы, – наконец-то вступила в разговор Юля, – и он хочет исчезнуть, начать новую жизнь в какой-нибудь прекрасной азиатской стране. Но для этого он должен умереть здесь, понимаете?

– Понимаю, но я же не киллер, – нервно улыбнулся Дима, растерянно пожав плечами, – чем же я могу быть полезен?

– Нужно просто найти человека, которого примут за него, – Юля хлопнула длинными ресницами и мило улыбнулась, – того, кого никто не станет искать.

– А как же отпечатки пальцев, прочее всё? – Дима читал детективы и помнил, что опознать труп – дело не сложное. Особенно если этот труп числится в базах данных соответствующих органов, а Юлин приятель почти наверняка там есть.

– Иногда после пожара не остаётся почти ничего, – с намёком произнесла Юля, пристально глядя на Диму, – опознать практически невозможно.

– А сам он этого всего организовать не может? Наверняка у него есть возможности? – Диме категорически не хотелось впутываться ни в какие криминальные истории, но если это цена его входного билета, то...

– Он должен быть вне подозрений, – она поправила и без того безупречную причёску, – и потом, чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

– Но почему я? – невольно вырвалось у Димы, и он тут же пожалел об этом, так как Фомич взглянул на него слегка насмешливо, а это совсем не то, к чему молодой человек стремился. – Я имею в виду только то, что у меня мало опыта в подобных делах.

– Сделай это, и место моего заместителя твоё, – хозяин кабинета направился к шкафу, извлёк из него бутылку великолепного коньяка и три пузатых бокала, – что скажешь?

– Я справлюсь, – сглотнув вязкий ком, вставший в горле, решительно ответил Дима и, увидев одобрителный кивок Фомича, слегка расслабился. И правда: чего он так занервничал? Бомжей что ли мало в городе, который без них только чище станет? Это вообще можно будет рассматривать как благотворительность, вот. Мысль о том, что он – просто разменная монета в большой игре, всё же мелькнула на задворках сознания, но была безжалостно изгнана даже оттуда.

– Видишь ли, Дмитрий Александрович, в чём дело, – задумчиво рассматривая на свет коньяк, неспешно проговорил Фомич, – я должен быть абсолютно уверен в том, что человек, работающий со мной, – Дима прекрасно понял, что под словами «со мной» подразумевается «на меня», – это тот, кому я действительно могу доверять, понимаешь?

– Конечно, Егор Андреевич, можете во мне не сомневаться, – Дима уже практически успокоился, решив, что непременно что-нибудь придумает.

– Думаю, в детали тебя посвятит Юля, а мне нужно работать, у меня совещание через час, – Фомич допил коньяк, встал, обнял поднявшуюся дочь и снова протянул Дмитрию руку. – Пообедайте где-нибудь, молодёжь, поболтайте о своём. Юля, мама непременно ждёт тебя к ужину. Кстати, Дмитрий Александрович, если тебя никто дома не ждёт, то ты тоже приглашён. Нам, старикам, будет веселее в компании молодёжи.

– Благодарю, с большим удовольствием, – приятно удивлённый Дима с готовностью и благодарностью принял неожиданное приглашение. Мог ли он ещё утром даже мечтать о таком?!

– Ну вот и хорошо, – завершил разговор Фомич, – тогда к половине восьмого мы вас ждём.

– Обязательно, пап, – дочь помахала отцу ручкой и, подхватив Завьялова под локоть, вышла в приёмную. Ни Юля, ни тем более Дима не видели, как хищно прищурился хозяин кабинета, глядя им в спину: рыбка заглотила крючок, хорошо так, душевно. Зачем рисковать

проверенными людьми, если всегда есть такие, как Дима: жадные до денег, а главное – до власти. Фомич ничем не рисковал, потому что справится Завьялов – хорошо, молодец, вот твоё место у кормушки, пока с краю, а там видно будет. А не справится – что же, жаль, хороший был парень, перспективный, но слабый. А кому нужны слабаки? Правильно: никому.

Правда, внутренний голос говорил Фомичу, что к мальчику стоит присмотреться: на пятки всё чаще стали наступать молодые да ранние, и иметь в этом озере с пираньями своего человечка было бы очень неплохо. А то и оглянуться не успеешь, как отгрызут хвост по самые уши. Вот сегодня на ужине он и присмотрится к парнишке: в домашней обстановке человек расслабляется. Да и Юльке игрушка – мальчик-то красивый, ладный. Разумеется, никаких серьёзных отношений с ним у дочери быть не может, но развлечься девочке не помешает. Всяко лучше, чем эти мутные парни в наколках и с неправильным блеском в глазах. А с этим, если цивилизовать немного и приодеть, и в свет выйти можно.

– Уф, папа иногда слишком давит, – пожаловалась Юля Диме, идя по коридору и продолжая держать его под руку, – наверное, привычка командовать на работе сказывается.

– Не знаю, – Дмитрий пожал плечами, слегка теряясь в присутствии этой уверенной в себе шикарной девушки, – мне Егор Андреевич кажется человеком справедливым и просто обстоятельным.

– Ты пока ещё его плохо знаешь, – Юля сморщила идеальный носик, – но он прав – действительно пора перекусить. Как ты на это смотришь?

– С огромным удовольствием, – улыбнулся Дима, заметив, как Юля скользнула по его фигуре взглядом и, видимо, осталась довольна. – Какую кухню ты предпочитаешь?

– Здесь недалеко есть рыбный ресторан «La Perla Nera», – словно бы задумчиво проговорила девушка, – но, боюсь, он не слишком бюджетный.

– Ничего, полагаю, с этой проблемой я справлюсь, – поспешил откrestиться от подозрений в финансовой несостоятельности Дима, – он тебе нравится? Тогда я приглашаю тебя пообедать.

Ресторан был, конечно, не из дешёвых, но Завьялов действительно мог себе его позволить, причём не слишком напрягаясь. Пользуясь прекрасной погодой, они неспешно пешком дошли до ресторана, где и провели следующие пару часов за крайне приятной беседой. И лишь в конце разговора Дима решился уточнить:

– А какой твой интерес в поручении отца? Твой приятель... Почему ты беспокоишься о его благополучии? Это твой парень?

– Да ну, нет, конечно, – засмеялась Юля, – так и даст мне папа встречаться с неблагонадежным кем-то, ты что! Просто знакомый, он мне помог в своё время, когда тоже в Швейцарии жил, по мелочи, а долг платежом красен.

«Нехилый такой должок, видимо!» – подумал про себя Дима, но вслух ничего не сказал: зачем? Сейчас ему нужно узнать детали и постараться с минимальными для себя потерями выполнить поручение Фомича.

– Подробности тебе не нужны, – продолжала тем временем Юля, – просто сделай так, чтобы в пригороде сгорел дом, на который я тебе укажу, и потом в нём нашли тело. И всё! Тебе всего и нужно-то: привезти или найти рядом человека, которого потом обнаружат.

– Но меня же заметят, – подумав, прищурился Дима, уже будучи уверенным, что у девушки готов ответ и на этот вопрос. – Мне-то зачем светиться?

– Во-первых, там, где этот дом находится, никого не бывает, там практически заброшенная деревня, – Юля говорила так, словно продумала всё заранее. Хотя почему «словно»? – А во-вторых, ты можешь сделать это в сумерках и не на своей машине. Только надо не откладывать, Дима, вот в ближайшие дни прямо и сделай всё.

– Хорошо, я подумаю, как лучше всё устроить, – согласился Завьялов, расплачиваясь по счёту, – у тебя есть какие-нибудь планы на время до ужина?

– Приглашаю тебя на чашку кофе к себе домой, – с лёгкой улыбкой, от которой у него закружилась голова, проговорила Юля, – ну а потом и к родителям поедem.

– Ух ты! – он подмигнул девушке. – Ты не пожалеешь, обещаю.

– Посмотрим, – перешучиваясь, они покинули ресторан и уже через двадцать минут вошли в Юлину квартиру, расположенную неподалёку, практически в самом центре.

– Надеюсь, ты не разочарована? – Дима, облокотившись на расшитое какими-то морскими узорами покрывало, смотрел на Юлю, которая, сидя у туалетного столика, расчёсывала волосы.

– Конечно, нет, – она довольно потянулась и улыбнулась своему отражению, – ты был хорош, и сам это прекрасно знаешь, Димочка.

– Мы, мужчины, достаточно самолюбивые существа и очень любим комплименты, – засмеялся Завьялов и откинулся на подушку, – как ты думаешь, мы ведь сможем как-нибудь повторить эту восхитительную... чашку кофе?

– Непременно, – закрутив волосы в простой узел и закрепив его заколкой, Юля вернулась и вытянулась на постели, совершенно не смущаясь того, что из одежды на ней были только микроскопические кружевные трусики.

Завьялов ей понравился. Он был в меру нежен, в меру требователен, неумолим и изобретателен. К тому же Юле нравилось его тело: поджарое, мускулистое, тренированное. Почему бы и не позволить себе немного удовольствия, пока отец снова не выслал её в какое-нибудь тоскливое зарубежье.

– Кстати, знаешь, сейчас такие беспокойные времена, – начала она, рисуя пальчиком какие-то узоры на груди мужчины, – иногда я просто боюсь одна возвращаться домой вечером после театра или клуба...

– Не верю, что тебя некому бывает проводить, – Диме показалось, что он понимает, к чему ведёт Юля, но он боялся в это поверить, поэтому, что бы не спугнуть невероятную удачу, сделал вид, что намёка не понял.

– Но не могу же я каждый раз пользоваться услугами папиных охранников! – Юля слегка царапнула его ногтем, и он тут же перехватил её руку, нежно поцеловав ладошку. – Вот если бы со мной постоянно находился надёжный мужчина...

– И чем же я могу помочь тебе в этой непростой ситуации, – Дима подтянул её к себе поближе, – даже не знаю...

– Может, пока я здесь, в России, ты поживёшь со мной эти полгода? – Юля умильно улыбнулась и похлопала ресницами. – Или ты не один? У тебя есть девушка?

– Никого у меня нет, – отмахнулся Дима, обнимая Юлю и лихорадочно просчитывая все плюсы и минусы этого предложения: плюсы явно перевешивали. – Так, есть одна девчонка, которая приходит убрать, постирать-погладить и приготовить. Самому мне некогда, да и не мужская это работа – стирать и полы мыть.

– Совершенно с тобой согласна, – мурлыкнула Юля, довольная тем, что новая игрушка оказалась свободной, – тогда, как только решишь нашу маленькую проблемку – сразу и пере-езжай, да?

– Это прекрасный стимул сделать всё как можно быстрее, – жарко прошептал Дима ей на ушко, – ты умеешь мотивировать!

– Я не только это умею, – девушка подмигнула ему, и окружающий мир для них перестал существовать: Димочка честно отработывал щедрое предложение.

На ужин молодые люди, увлечённые гораздо более интересными процессами, чуть ли не опоздали, но вручённый хозяйке дома стильный букет несколько примирил Юлиных родителей с безалаберностью молодёжи.

Во время прекрасно сервированного ужина Дима несколько раз чувствовал на себе пристальный взгляд Егора Андреевича и понимал, что проходит очередную проверку на пригод-

ность. Поэтому он старался поменьше говорить, а побольше слушать, с интересом обсудил с супругой Фомича вопросы заготовок и даже смог вспомнить какой-то рецепт вкусного варенья, которое когда-то делала его бабушка. После этого он был повышен до статуса «милый Дима» и заручился симпатией хозяйки дома.

После ужина мужчины вышли на балкон, скорее напоминавший небольшую террасу, и закурили. Завьялов понимал, что сейчас услышит вердикт и слегка нервничал, хотя и старался выглядеть невозмутимо.

– Ты ведь понимаешь, что Юлю я растил не для тебя, – неожиданно жёстко сказал Фомич, глядя на Диму, – я не возражаю против ваших отношений, но не строй далеко идущих планов, Дмитрий Александрович.

– Да я даже не думал... – начал Дима, не ожидавший, что Егор Андреевич затронет именно эту тему.

– Думал, не ври, – поморщился Фомич, – так вот повторю для пущей ясности: мужа дочери я уже подыскал, и это не ты. Скрашивай её одиночество, пока есть время и возможности. Против этого я не возражаю, хотя и не слишком одобряю, но я привык потакать капризам Юли. Да и тебе полезно: обзаведёшься связями, если сумеешь – заведёшь новые нужные знакомства. Но всё это только после того, как ты выполнишь мою маленькую просьбу.

«Кровушкой повязать хочет» – мелькнула мысль, но особого протеста не вызвала: с волками жить – по волчьи выть, как говорится. Дима прекрасно понимал, что путь к заветной цели не будет усыпан розами, так что если нужно всего лишь это – он согласен, не велика беда, если вдуматься.

– Я вас понял, Егор Андреевич, – серьёзно сказал он и прямо взглянул Фомичу в глаза, – и поверьте – не разочарую!

– Посмотрим, – кивнул Фомич, – разговоры – это одно, это все мастера, а на деле посмотрим, на что ты годишься, Дмитрий Александрович.

Мужчины вернулись в комнату, и остаток вечера прошёл в приятной светской беседе: Юля очень увлекательно рассказывала о Швейцарии, уморительно описывая своих соседей и их собачку. Фомич тоже поделился воспоминаниями о нескольких курьёзных случаях во время зарубежных вояжей, а Дима слушал и завидовал. Его опыт зарубежных поездок пока ограничивался посещением Кипра и Испании исключительно в качестве туриста. О том, что бы легко рассуждать о Лондоне, Ницце, Тенерифе – до этого ему было очень далеко. И он дал себе слово, что непременно станет таким, как Фомич: властным, сильным, свободным. Наверное, если бы ему кто-нибудь попытался сказать, что свобода и счастье заключаются совершенно в ином, он просто не поверил бы.

О том же, что он обещал Лёле быть вечером дома, Дима даже не вспомнил...

Свечки, красиво расставленные на столе, догорели, мясо и приготовленный к нему любимый Димой золотистый рис остыли, но он так и не появился. Лёля сидела на диване, даже не пытаясь вытирать стекающие по щекам слёзы. Вечер, на который она возлагала такие надежды, оказался совсем не волшебным, как ей хотелось, а тоскливым и одиноким.

Девушка несколько раз набирала номер Димы, но он или не брал трубку, или сбрасывал звонок. Наверное, если бы он просто исчез, Лёля волновалась бы, но по-другому. Она обзвонила бы больницы, морги, но нашла бы его. А так – понятно, что он просто не хочет брать трубку, и если утром и днём это можно было бы объяснить важными разговорами, то вечером...

Лёля взглянула на часы: первый час ночи, уже понятно, что ждать бессмысленно. На всякий случай девушка ещё раз набрала номер, и на звонок неожиданно ответили.

– Алло! – прошепел в трубке молодой женский голос, и Лёля замерла, не в силах произнести ни слова. – Алло! Вас не слышно!

Потом в трубке послышался какой-то шум, и тот же голос сказал уже откуда-то издали:

– Димочка, там кто-то молчит тебе в трубку, она на столе...

Лёля негнушными пальцами нажала кнопку завершения вызова и осторожно, как гранату, положила аппарат на стол. Она, как загипнотизированная, смотрела на него, ожидая, что телефон вот-вот оживёт, ведь Дима не мог не увидеть, кто звонил. Но телефон молчал, и до утра Завьялов так и не перезвонил.

Утром, уходя на работу, Лёля оставила на столе записку, в которой просила Диму позвонить и как-то объяснить, что происходит. Подумала, извлекла из коробочки, куда она его временно положила, тест на беременность с двумя полосками и положила его на записку. Да, не так ей хотелось сообщить Диме радостную новость, но и молчать она не станет: он имеет право знать. Даже если – тут она в ужасе прижала ладонь к губам – у него есть другая, Лёля не станет скрывать от него правду. Скорее всего, она что-нибудь не так поняла, наверняка всему есть логичное и простое объяснение.

Весь день девушка ждала, а телефон, словно нарочно, трезвонил каждые пятнадцать минут, но среди звонивших Дмитрия не было. Нине, которая, отчаявшись дозвониться, написала Лёле встревоженное сообщение, она сказала, что всё в порядке и пообещала непременно отзвониться завтра.

Возвращаясь домой, Лёля привычно взглянула на то место, где Дима обычно ставил машину, но её там не было: значит, его снова нет дома. Может быть, что-то действительно случилось и ему просто некогда было заглянуть домой?

Но все сомнения исчезли, когда она, сбросив в прихожей балетки, торопливо вошла на кухню. В мойке стояла грязная тарелка, а на столе белела записка, придавленная кружкой. Лёля дрожащими руками схватила листок бумаги и застыла, увидев под ним несколько купюр. Записка прыгала в её трясущихся руках, и она с трудом разбирала слова. Дима в сдержанных и холодных выражениях сообщал, что уходит от неё к другой женщине и искать его не нужно. В конце стояла приписка, что деньги – это на прерывание никому не нужной беременности и на оплату квартиры за следующий месяц. И что на этом он считает свои финансовые и моральные обязательства выполненными.

Лёля выронила записку и бессильно сползла на пол по стене: ноги не держали, а в голове возникла странная звенящая пустота. За что он так с ней поступил? Ведь она всё делала для того, чтобы он был спокоен, доволен и счастлив. Он ведь он говорил, что ему очень хорошо с ней, с Лёлей... Почему? Что она ему сделала?

Девушка не знала, сколько просидела вот так, молча глядя в пространство остановившимся взглядом. Потом она поднялась, посмотрела на деньги и горько улыбнулась: Дима, как всегда, подошёл к вопросу рационально и прагматично. Неужели он всерьёз думает, что она возьмёт его деньги и избавится от ребёнка? Это её малыш, и пусть он будет расти только с ней, но она сумеет и родить, и воспитать. Слава богу, руки есть, голова тоже – не пропадёт!

Лёля решительно вытерла слёзы, взяла деньги и положила в кошелек: она прямо сейчас пойдёт и положит их на депозит, что бы к моменту, когда они понадобятся её малышу, там уже накопилась приличная сумма. Ей эти деньги не нужны, а вот ребёнку могут пригодиться.

Выйдя из подъезда, Лёля решила, что идти в банк с заплаканными глазами – не самая лучшая идея, и раз уж ей не нужно готовить ужин, то вполне можно сесть в кафе и выпить большую чашку кофе с каким-нибудь ужасно вкусным пирожным.

Кофе был восхитительным, пирожное – нежным, слёзы высохли, и апатия сменилась каким-то странным возбуждением и неуёмной жаждой деятельности. Наверное, именно поэтому, когда, стоя на светофоре, Лёля вдруг увидела Диму, садящегося в неприметную серую машину, она не побежала к нему, а подняла руку и, поймав такси, попросила шофёра, восточного мужичка средних лет, следовать за указанным автомобилем. Таксист, видимо, повидал в этой жизни уже всё, потому что не удивился, а спокойно пристроился за серой машиной и даже не приставал к Лёле с разговорами.

Тем временем неприметная «девяносто девятая», в которой ехал Дима, выбралась на Московское шоссе и бодро покатила в сторону Москвы. Таксист прервал молчание, но лишь для того, чтобы уточнить, есть ли у милой девушки деньги, так как поездка получается неблизкой. Лёля успокоила его, сказав, что на оплату такси у неё точно хватит, даже если преследуемая машина поедет аж в Москву. Водитель ухмыльнулся, проворчал что-то про странных ревнивых женщин и снова сосредоточился на дороге.

Но автомобиль, за которым они следили, вдруг свернул на неприметную, хотя и достаточно широкую дорогу. Держась на достаточном расстоянии, Лёлин таксист, видимо, заразившись её азартом, старался слишком не приближаться. Но когда «девяносто девятая» свернула на совсем уж узкую дорожку, он повернулся к Лёле:

– Девушка, если поедem – точно заметит, и вся ваша слежка коту под хвост. Чего делать-то будете?

– Вы меня высадите, а сами поезжайте обратно, – решительно сказала Лёля, вынимая достаточно крупную купюру, – я уж тут разберусь. Спасибо вам!

– Точно разберётесь? – уточнил водитель, но было видно, что он с удовольствием избавится от странной пассажирки. – А то подождать могу, раз платить есть чем.

– Не надо, – отказалась Лёля, – я сама не знаю, сколько пробуду здесь, чего вас мучить-то. И ещё раз спасибо.

Попрощавшись, она вышла из машины и осторожно пошла в ту сторону, куда свернула машина, в которой ехал Дима. Что ему могло понадобиться в этакой глухомани? По пути девушке попался покосившийся столб с табличкой, на которой когда-то было написано название деревни. Но сейчас можно было рассмотреть только первую половину слова: «Бере...». Не то Бережки какие-то, не то Березки, а может, Берёзовка или Береговое...

Впереди слышались голоса, и Лёля сразу узнала голос Димы. Странно: ей казалось, что в машине он был один: когда машина поворачивала, там был виден только профиль водителя, то есть самого Завьялова. С кем же тогда он разговаривает?

Ленинградская область, деревня Бережки, 11 июня 2010 года

– В деревне, спрашиваю, еще кто-нибудь живёт? – раздражённо спрашивал Дима, которого надёжно скрывал от тихонько подобравшейся Лёли высокий куст одуряюще пахнущей уже отцветающей сирени. Весна в этом году выдалась поздняя, вот и сирень к середине июня только начала облетать.

– Не, никого нету, – заплетающимся языком отвечал ему кто-то, кого девушка не могла рассмотреть, чтобы, выглядывая, случайно себя не выдать: объяснить Диме, что она тут делает, будет, мягко говоря, непросто.

– Ты один, стало быть, – Дима явно был доволен, Лёля давно научилась различать малейшие оттенки его голоса.

– Дом сторожу, да, а то ходят... а с меня хозяин... ик... спросит, – было слышно, что Димин собеседник пьян в стельку и связно выражается с огромным трудом. – А тебе чего надоть, парень?

– Да я твоего хозяина приятель, – жизнерадостно ответил Дима, и по нюансам интонации Лёля поняла: врёт. – Не покажешь мне дом-то?

– А чего его смотреть? Развалины почитай одни... ик... крыша просела... пол прова... – тут Димин собеседник, судя по всему, приложился к бутылке и потом с трудом продолжил, – проваливается... печка худая...

– А чего сторожишь тогда?

– Деньги платят – вот и сторожу, – пьяный голос отдалился, видимо, по направлению к дому, – какая-никакая, а крыша над головой...

Дима зачем-то открыл машину, потом хлопнула крышка багажника, зашуршала трава, и Лёля отважилась выглянуть из-за куста. Она увидела, как Дима идёт в сторону старого, но

крепкого на вид дома с канистрой в одной руке и пакетом в другой. Ничего не понимая, она осторожно скользнула вслед за ним и увидела, как Завьялов вытащил из пакета достаточно дорогой кожаный портфель и небрежно бросил его на покосившемся крыльце.

Дима зашёл в дом и выругался, не то споткнувшись, не то зацепившись за что-то. Лёля почти бесшумно поднялась за ним: поведение Димы казалось ей не просто странным, а каким-то абсурдным. Зачем ему было ехать в эту глухомань, разговаривать с каким-то спившимся сторожем?

Между тем Дима безуспешно пытался разбудить храпящего на какой-то полуразвалившейся лежанке мужика, но потом бросил это дело и сам себе сказал:

– Оно и к лучшему, мне хлопот меньше.

Оглядевшись, он открыл канистру, стал поливать сухой пол и мебель, и Лёля почувствовала запах бензина. Он что – хочет поджечь дом? А как же этот сторож?

Она, ошеломлённая догадкой, шагнула в комнату, и доска скрипнула даже под её небольшим весом. Дмитрий резко обернулся, и на его красивом лице отразилось искреннее изумление.

– Ты что здесь делаешь?! – постепенно удивление сменилось злостью, а потом и чем-то, похожим на страх. – Ты что – следила за мной?

– Дима, что это всё значит? Что ты делаешь? – Лёля в ужасе смотрела на любимого и не узнавал его. Она сделала шаг в его сторону, но тут под её ногами хрустнули прогнившие доски, и она с коротким криком рухнула вниз, в достаточно глубокий подвал. От удара перехватило дыхание, и в глазах потемнело, она словно провалилась в какое-то полузабытьё. Сквозь шум в ушах услышала, как Дима сказал, обращаясь, видимо, к самому себе:

– Это не я, это ты сама, Лёля... Тебя сюда никто не звал... Прости, но ты стала мне мешать, так что если ты сломала себе шею, то так даже лучше. Нет тебя – нет половины проблем. Раз судьба помогает мне, значит, я всё делаю правильно.

Она хотела крикнуть, что жива, но из горла не получалось выдать ни единого звука, глаза не хотели открываться. Шум становился всё сильнее, и на какое-то время Лёля потеряла сознание. Пришла в себя она от очень сильного запаха дыма, и, открыв с трудом глаза, поняла, что наверху набирает силу пожар. Огонь ещё не разгорелся как следует, но дышать получалось уже с трудом, и если она не выберется из подвала, в который провалилась, то скоро сюда рухнет пол и всё – ей конец.

Как всегда в минуты максимальной опасности, её мозг работал быстро и чётко: это от отца ей досталось такое качество характера. Кого-то проблемы и трудности обессиливают, а кого-то максимально мобилизуют. К счастью для себя, Лёля относилась ко второй категории.

Попробовав подняться, она вскрикнула и закашлялась: дым становился всё заметнее. Одна нога явно была сломана или вывихнута, в рёбрах как минимум трещины, но сейчас было не до того, что бы разбираться: нужно было найти выход. Присмотревшись, она заметила, что дым не висит сплошным спокойным облаком, а слегка колыхается, словно втягивается куда-то. На коленях, а кое-где и ползком, Лёля добралась до угла и увидела, что там есть небольшой лаз, видимо, прорытый собаками, пробиравшимися в подвал. Он был узким, но это была единственная надежда на спасение. Обмотав голову сорванной футболкой, Лёля стала лихорадочно расширять лаз, ломая ногти, обдирая руки, иногда приникая к отверстию, что бы вдохнуть воздуха. Треск становился всё сильнее, ей казалось, что огонь уже подбирается к ступням, и она старалась не обращать внимания на дикую боль в ноге и рёбрах.

Как только лаз стал чуть шире, девушка попробовала протиснуться в него и глухо застонала, закусив футболку: она опасалась, что если крикнет, то её могут услышать. Вдруг Завьялов ещё здесь? Обливаясь ледяным потом и порой почти теряя сознание от боли, Лёля выбралась из подвала и рухнула в траву, стараясь дышать не слишком громко, хотя ей казалось, что она хрипит так, что слышно за километр.

Понимая, что сейчас потеряет сознание и от боли, и от шока, девушка попыталась отползти подальше от полыхающего дома, что бы на неё не рухнула какая-нибудь часть стены или крыши. Вот те кусты неизбежной сирени за разрушенным сараем или баней вполне годятся, а перед ними еще и шиповник разросся – просто замечательно. Лёля даже не пыталась подняться на ноги или хотя бы на четвереньки, она упрямо ползла, обдирая кожу о торчащие старые доски и о колючие ветки, а за спиной весело трещал старый дом, рушились балки, лопались стёкла.

Только добравшись до кустов и спрятавшись в них, она позволила себе ненадолго прикрыть глаза. Ей хотелось полежать только минутку, но, когда она пришла в себя, было уже утро, и неподалёку громко переговаривались загружающиеся в машину пожарные.

– Да сгорело всё, – кричал один из них в телефон, – мы уже к концу приехали, даже не знаю, был ли кто в доме. С трассы водила зарево увидел и позвонил. Машин нет, деревня заброшена давно, может, алкаш какой заплутал, закурил да и уснул. Мы своё дело сделали, огня остатки затушили, так что возвращаемся.

Проводив взглядом пожарную машину, бодро укатившую в сторону трассы, Лёля мужественно попыталась хотя бы сесть, но тут же со стоном рухнула обратно на траву.

Полежав и порадовавшись, что на дворе лето, следовательно, хотя бы смерть от холода ей не грозит, она снова попыталась сесть, только на этот раз не совершая резких движений, стараясь шевелиться медленно и очень осторожно. Видимо, в благодарность за это организм сжалился над ней, и Лёля очень медленно и аккуратно поднялась на ноги, точнее, на одну ногу. Вторая опухла так, что свободные джинсы чуть не лопались на ней, а любое прикосновение отзывалось такой болью, что слёзы сами сыпались из глаз. Дышать, если не глубоко и осторожно, то в общем и целом получалось. Голова болела и кружилась, но если почаще отдыхать, то вполне терпимо. Лёля попробовала сделать шаг, и у неё, как ни странно, это получилось. Окрылённая успехом, девушка выбралась на дорожку и остановилась. Во-первых, нужно было отдохнуть, так как пройденные тридцать или сорок шагов дались ей, как некоторым подъём на Эверест. А во-вторых, нужно было понять, куда идти: то, что не в сторону трассы, это ясно. Если Завьялов узнает, что она жива, то постарается исправить допущенную ошибку. таких свидетелей в живых не оставляют.

Лёля огляделась: сгоревший дом был когда-то построен возле самого леса, и заросшая густой травой дорожка, скорее, даже тропинка, вела куда-то в сторону сплошной стены деревьев. Представив, как будет ковылять со своей ногой по густому лесу, девушка вздрогнула и сделала шаг по тропинке. Интересно, как далеко она сможет продвинуться, пока не упадёт? Она даже позвонить не может, потому что все вещи, в том числе телефон и кошелек, остались в подвале сгоревшего дома. Да и кому звонить? Нине? А чем она поможет? Добраться до милиции и всё рассказать? А где гарантия, что поверят ей, а не Диме, у которого наверняка есть десяток убедительных объяснений: уж кем-кем, а дураком Завьялов никогда не был.

Надо найти место, где можно спокойно отлежаться, откуда реально вызвать врача. Паспорта у неё тоже теперь нет, так что пока она может назваться любым именем. Скажет, что её сбила машина, и она в состоянии помутнения рассудка ушла от трассы в сторону. Ну и что, что неправдоподобно, другого варианта она всё равно сейчас придумать не в состоянии: голова болит всё сильнее, а боль в ноге и рёбрах иногда такая, что хочется кричать в голос. О том, как это всё скажется на уже живущем в ней крохотном существе, Лёля старалась даже не думать.

Тропинка кончилась как-то неожиданно, банально растворившись в пока еще не очень высокой траве. Лёля тряхнула головой, сбрасывая накопившую дурноту, и неожиданной услыхала какой-то знакомый шум, потом свисток и снова шум.

– Электричка, – прошептала девушка сама себе, чтобы разогнать нарастающий звон в ушах, – значит, там точно есть люди и телефон...

Мысль о том, что в лесу звуки могут разноситься очень далеко, а с направлением вообще ошибиться просто, Лёле в голову не пришла, так как человеком она была сугубо городским. Прислонившись к шершавому стволу, она постояла немного и подумала, что в передвижении по лесу есть свои плюсы: можно прислоняться к деревьям и просто переходить от одного к другому. Ей даже удалось так пройти метров двести, когда повреждённая нога неожиданно провалилась в звериную нору. От слепящей боли Лёля рухнула на мох и потеряла сознание, а когда пришла в себя, то совершенно не представляла, куда двигаться дальше. Электричек слышно не было, но девушка, сцепив зубы, заставила себя встать, понимая, что если останется лежать, то Дима своего добьётся – она просто умрёт здесь без медицинской помощи.

Она повернула голову, и вдруг ей показалось, что справа между деревьев что-то блеснуло: неужели озеро или речка? При мысли о воде Лёля застонала, потому что только сейчас поняла, как она хочет пить. Мысли о холодной чистой воде заслонили даже боль, которая, казалось, заняла всё место в сознании. Невероятным, каким-то запредельным усилием воли она поднялась, стараясь не кричать, и сделала несколько шагов. Проморгавшись, присмотрелась: действительно, сквозь напользающую со всех сторон темноту можно было рассмотреть кусочек озера. Нога в очередной раз подломилась, но Лёля, почти не осознавая, что делает, поползла в сторону живительной воды, не замечая, что каким-то чудом выползла на достаточно широкую тропу. Последнее, что она услышала, прежде чем провалиться в глухое беспамятство, был удивлённый мужской крик:

– Алексей Константинович, смотрите! Смотрите туда!

Ленинградская область, Озеро Окунёвое, 12 июня 2010 года

В то утро рыбалка не задалась: клёва не было, только иногда какая-то мелочь дёргала поплавок, обгрызала червя и срывалась. Ну а что он хотел, при северо-западном-то ветре – в этих местах при таком направлении ветра рыба уходила куда-то и категорически отказывалась ловиться. Но Алексей Константинович Краснов совершенно не переживал по этому поводу: на рыбалку он поехал не столько за рыбой – всё равно он её не очень любит – сколько для того, чтобы хотя бы на несколько часов выпасть из бешеного ритма, в котором он жил последние несколько лет. Даже телефоны совершенно осознанно отключил и оставил водителю, чтобы никто не отвлекал.

Глядя на поплавок, мирно покачивающийся на зеркальной глади озера, Краснов думал о том, что жизнь – крайне странная штука. Раньше ему казалось, что её смысл – в покорении вершины, в том, что бы стать независимым и финансово, и во всех остальных отношениях. Сейчас ему сорок шесть, и с возрастом пришло отрезвляющее понимание, что независимости, к которой он так стремился, просто-напросто не существует. Скорее, наоборот, чем выше ты поднимаешься, тем тяжелее оковы различных обязательств.

Счастье? А в чём оно? В количестве нулей на банковских счетах? Не факт, ибо нули есть – а счастья нет. В семье? А ты попробуй завести нормальные полноценные отношения, основанные не на товарно-денежных интересах, когда вокруг только эти длинноногие пираньи с одинаковыми лицами, словно из инкубатора. Алексей Константинович усмехнулся, вспомнив, как алчно смотрела на него одна из таких красоток на последнем экономическом форуме. Он чувствовал себя куском телятины, которую придирчиво рассматривает на рынке хозяйка: купить или поискать получше? В детях? Тоже непросто: заводить ребёнка только с целью получить наследника, а потом с болью смотреть, как он разбазаривает «всё, что нажито непосильным трудом»? Так себе перспективка... насмотрелся он на таких. Уж лучше оставить всё тем, кому считаешь правильным, пусть и не родным по крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.